

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: РОССИЙСКАЯ НАУКА О "РУССКИХ" БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ИТОГИ ПРОЙДЕННОГО И НОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

ЭО, 2008 г., № 2

От редакции

Редколлегия журнала "Этнографическое обозрение" предлагает читателям дискуссию, которую в качестве приглашенного редактора подготовила к публикации Н.П. Космарская. Поступившая в редакцию статья С.С. Савоскула, посвященная тем же проблемам, была включена дополнительно. Редактору дискуссии было предоставлено право прокомментировать эту статью в рамках состоявшегося обсуждения.

© Н.П. Космарская

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Проблема "русских за пределами России", заметно поблекшая – с точки зрения политической остроты, – по мере превращения миграционных потоков в тонкие ручейки и постепенного отказа РФ от гегемонистских амбиций первых постсоветских лет, в последние годы получила в пространстве публичных дискуссий второе дыхание. Поводом к этому стал разворот на 180° в официальном российском курсе по отношению к тем, кого журналисты, политики и общественность обычно называют "соотечественниками" и "русской диаспорой". Имеется в виду переход от выражающего пассивность и фактическое примирение со сложившейся миграционной ситуацией тезиса "Все, кто хотел, за 10 лет уже переехали в Россию" (под этим лозунгом обсуждался и был принят печально известный жесткий закон "О гражданстве" 2002 г.) к энергичной (пока, правда, в основном на бумаге) политике привлечения мигрантов из ближнего зарубежья на постоянное место жительства. Напомню, что речь идет о подписанном В.В. Путиным 26 июня 2006 г. указе, учреждающем рассчитанную на несколько лет "Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом".

Само это событие и последовавшее за ним оживление общественного интереса к тем, кто может в ближайшие годы стать нашими согражданами-россиянами и помочь стране (как надеются власти) выйти из тяжелейшего демографического кризиса, наверное, не должно было бы служить поводом к обсуждению ситуации вокруг "соотечественников" в журнале "Этнографическое обозрение". Действительно, негоже солидному академическому изданию откликаться на каждый пируэт в государственной политике. Однако существуют по меньшей мере два весомых обстоятельства, говорящие о том, что проблема со многими ее ответвлениями давно созрела и для серьезной научной дискуссии.

Наталья Петровна Космарская – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела стран СНГ Института востоковедения РАН, заместитель главного редактора журнала "Диаспоры"; natkos2003@mail.ru

Первое. Отечественная наука не может похвастаться хорошей проработкой интересующих нас сюжетов – как с точки зрения количества работ, так и их качества. Хотя к середине и особенно к концу 1990-х годов стали очевидными резкое падение миграций русских и русскоязычных в Россию и переход их к интеграционным стратегиям, смены угла зрения и подходов в российской науке не произошло. Книги, сборники и статьи, уделяющие повышенное внимание миграционному потенциалу, миграционным настроениям, выталкивающим факторам и пр., практически перестали появляться, но их не сменили, к сожалению, серьезные концептуальные работы "микроуровня", изучающие мнения и поведение "оставшихся русских" и основанные на полевых исследованиях авторов, а также аккумулирующие подобный опыт зарубежных коллег. Степень идеологизации обсуждаемой проблематики остается весьма высокой. Общественность черпает информацию о происходящем в бывших республиках в основном из Интернета, из журналистских и публицистических материалов,двигающихся в русле политизированных мифологий ("о разделенном русском народе", "страдающих соотечественниках", о "России как русском государстве", "русской диаспоре" и т. п.).

Второе. Если выйти за пределы собственно проблем русскоязычных в ближнем зарубежье, все эти и подобные им интерпретации окажутся проявлением одной и той же особенности российского научного и публичного дискурса об "этническом". Он базируется на стихийно или осознанно примордиалистском (этно- и группоцентричном) видении социальной реальности, будь то "русские диаспоры" вне России или взаимодействие "коренного населения" и "мигрантов-чужаков" на ее территории. Но сейчас, когда российское общество стремительно обретает черты поляризованного по этно-расовому признаку, с вытекающими отсюда и все более многочисленными уже чисто криминальными "выбросами" подспудной напряженности, нам необходимы иные интерпретации происходящего, иные оценки роли "этнического", новые подходы к изучению этих весьма чувствительных проблем.

Наконец, формальным поводом обратиться в редколлегию журнала с предложением провести дискуссию стал выход в свет в 2006 г. моей книги «"Дети империи" в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002)». Книга, которая сознательно писалась как полемическая, представляет собой попытку подвести итог анализу проблемы "русских ближнего зарубежья" отечественными и западными учеными и "вписать" ее в более широкий контекст изучения этничности и смежного круга сюжетов в постсоветской России.

Появление такой работы, в которой автор, основываясь на анализе значительного эмпирического материала, стремится проанализировать достигнутое ранее и наметить новую исследовательскую повестку дня, и определило формат дискуссии. Предполагалось, что отклик каждого из участников будет чем-то **средним** между аналитической рецензией и "вкладом" в обмен мнениями, когда ведущие специалисты высказываются на страницах журнала по той или научной проблеме (проблемам), руководствуясь предложенным списком "затравочных" вопросов (см. ниже).

* * *

Одной из наиболее влиятельных концепций 1990-х годов, объясняющих механизм взаимоотношений меньшинств, стран, на территории которых они проживают, и культурно родственных им государств в период распада полиэтничных империй, стал так называемый треугольник Р. Брубейкера¹. По мнению ученого, каждому из трех элементов, находящихся в динамичном взаимодействии (по его терминологии, "внешней национальной родине", "диаспорам катаклизма" и "национализирующемуся государству"), свойственны три особых типа национализма. Хотя сам Р. Брубейкер считал свою концепцию лишь "рамочной конструкцией", в западном, да и в российском научном сообществе ее стали рассматривать буквально как "инструкцию по применению",

которая, по словам Л. Баррингтона, "показывает ученым, каких игроков на этой (постсоветской. – Н.К.) сцене надо наблюдать и как интерпретировать их действия" (Barrington 1999).

Тут нелишним будет напомнить, что самого Р. Брубейкера интересовал в первую очередь "национализм родины" (и прежде всего России), способной, как очень опасался Запад в первые годы после распада СССР, превратить отношения по линии описанного "треугольника" в конфликтные и потому опасные для международной стабильности. Однако случилось так, что именно представление о постсоветских государствах как о "национализирующихся" (*nationalizing states*) надолго пережило саму концепцию, созданную для осмысления реалий определенного исторического периода, и стало одним из самых популярных клише в российском научном и публичном дискурсе². Говоря простым языком, речь идет о государстве, нацеленном, в лице своих властных элит и всей властной пирамиды, на вытеснение, удушение, изгнание и пр. всего "иного" по отношению к доминирующему (титულному) большинству, т. е. в первую очередь русских и русскоязычных "детей империи".

Однако спросим себя: достаточно ли нам сейчас, по прошествии более 16 лет после распада СССР, объяснительного и эвристического потенциала такого обобщенно-упрощенного понимания природы новых независимых государств? В книге, в частности, ставится вопрос о том, что нельзя рассматривать развитие самих постсоветских стран и политику их властей лишь в суженном проблемном коридоре намерений и действий национализирующегося государства, поскольку таким образом игнорируются многообразие и динамика наблюдаемых там типов социального размежевания.

Но даже если остаться в рамках обсуждаемой схемы, интересно знать, например, возможны ли здесь возвратные движения – поиски альтернативных или дополнительных основ государственной легитимации – например, общегражданских³. Если да, то по каким причинам и при каких условиях это может произойти? Далее. Уже накопилось, видимо, достаточно материала для того, чтобы провести сравнение различных стран по характеру, глубине, скорости и направлениям "национализации"; по отношению к ней (в динамике), мотивациям и степени реального участия в такой политике различных групп титульных элит – и последовательно сменявших друг друга "у руля", и находящихся в той или иной стране у власти и/или стремящихся ее получить.

Отмечу еще одно обстоятельство, мимо которого я не могу пройти как исследователь, работающий на микроуровне. Р. Брубейкер, создавая свою концепцию "треугольника", выступал прежде всего в роли политолога и социального историка, но никак не "практикующего" социолога. Первые же попытки выяснить, как воспринимают новую геополитическую конфигурацию обычные люди – например, какие страны они в большинстве случаев считают своей родиной – показали, что проверка "полем" дает результаты, заметно отличающиеся от "заложенных" в концепцию (Barrington 1999). Можно ли ожидать подобного не только по отношению к "внешней национальной родине" (в нашем случае – к России), но и к конкретному "национализирующемуся государству"? Иначе говоря, мы еще мало знаем о том, как ощущается и осмысливается его "давление" на уровне повседневных практик русскоязычных, причем не "вообще", а различных их групп – социально-демографических, профессиональных, статусных и др.

Можно поставить вопрос и шире: при каких обстоятельствах и по каким причинам одни люди интерпретируют происходящее с ними в этнических терминах, а другие (при условии, конечно, непровоцирующего поведения исследователя) – ищут иных объяснений? Зафиксированная в обсуждаемой книге субъективность в восприятии конкретной группой и на конкретном временном отрезке условий своей жизни опять же в конкретном "национализирующемся государстве", возможно, послужит еще одним стимулом для дискуссии о том, как изучать этничность и различные ее проявления в постсоветских условиях. Возвращаясь к исследовательской позиции и методоло-

гическим приемам – как зависит "качество" эмпирического материала (и, соответственно, сделанные на его основе выводы) от личности социолога и ее/его саморепрезентации? Иными словами, в чем плюсы и минусы ситуации, когда русскоязычные, скажем, в Эстонии или Казахстане, изучаются эстонцами (казахами), местными "русскими" или аутсайдерами (разного типа) в лице российских или западных ученых?

Одна из важнейших задач моей работы состояла в попытке понять, как прошлое предопределяет настоящее, а возможно, и будущее – естественно, в приложении к изучаемой теме и изучаемой группе (идея "имперского шлейфа", с. 562, 570). Собственно, об этом говорят и ключевые слова названия книги – "дети империи". Решалась эта задача не столько путем обращения к истории, сколько с помощью, по выражению В.А. Тишкова, "этнографии прямых голосов" (Обсуждение 2005: 130). Вот почему я испытываю чувство творческого удовлетворения, когда люди со стороны, не погруженные во внутрицеховые споры о природе этничности и о том, "с чем ее едят", адекватно схватывают суть замысла⁴.

Я исхожу из того, что особенности колонизации различных частей постсоветского пространства до сих пор оказывают влияние на положение русскоязычных, характер стоящих перед ними задач и путей их решения, на отношение к ним титульного населения и элит, специфику культурной адаптации и т. п. Эта мысль была "вплетена", в частности, в анализ динамики межгрупповых отношений и статуса русского языка; от нее я отталкивалась при сравнении двух во многом полярных моделей взаимодействия русскоязычных с "большинством" – "балтийской" и "центральноазиатской". Титульные элиты, в рамках этого понимания, тоже являются своего рода "детьми империи", только причины и проявления этого их качества существенно разнятся в зависимости от характера и целей освоения той или иной территории. Еще один важный поворот сюжета – статус и роль собственно русских в имперской системе предопределили многие важные особенности их сегодняшней идентичности, а отсюда и несоответствие ожиданиям тех, кто рассматривает их в качестве "этнического монолита". В рамках этой остро дискуссионной и еще слабо изученной проблематики возможны иные трактовки и учет влияния иных акторов.

В дополнение сформулирую еще несколько более конкретных вопросов, которые к тому же не нашли адекватного отражения в обсуждаемой книге в силу принятых в ней тематических и хронологических рамок, а также естественной ограниченности авторских возможностей. Конечно, этот список не является исчерпывающим.

- В чем состоят особенности формирования и проявления локальной этнокультурной идентичности ("среднеазиатские русские", "балтийские русские" и пр.)? Насколько далеко "дети империи" в различных частях постсоветского пространства готовы идти по пути аккультурации и в какой мере их выбор устроит титульное население? Эти вопросы навеяны тем уже довольно давно сделанным наблюдением, что специфика "обрусения" различных этнических групп, соседствующих с русскими или в той или иной форме с ними взаимодействующих, "вдоль и поперек" изучена на многочисленных примерах, в то время как обратный процесс представляет собой в значительной степени "белое пятно" в этнологических исследованиях⁵.

- Чем различается положение русскоязычных в различных частях постсоветского пространства? Каковы возможные новейшие тенденции, связанные, например, со вступлением стран Балтии в Европейский Союз, "оранжевыми" событиями на Украине, изменением вектора внешней политики в Узбекистане, ускорением экономического роста в Казахстане? Список можно продолжить... Перечисленные факторы сдвигов говорят о том, что построение региональных моделей взаимодействия "детей империи" с титульными группами (а такая попытка предпринята в книге) должно быть дополнено и страновым анализом. Это тем более важно, что полезные исследования российских ученых в новых независимых государствах продолжа-

ют оставаться событием весьма редким, поэтому в рамках данной дискуссии будут особенно приветствоваться отклики "с мест".

- Перейдем от пространственной шкалы к временной. Тут хотелось бы обратить внимание на следующий момент. Сейчас, по прошествии более 16 лет после распада СССР, можно говорить о появлении нового поколения русскоязычных, которое выросло и социализировалось уже в условиях независимости. Отличаются ли их мироощущение и поведенческие модели от того, как воспринимают свою жизнь их родители, дедушки и бабушки? В книге по этому поводу были высказаны некоторые предположения (с. 574); появились и эмпирические исследования, фиксирующие поколенческую дивергенцию в среде русскоязычных (см., напр.: *Григоричев* 2006). Однако тут еще непечатый край работы.

- Наконец, проблема объекта исследования, коим в обсуждаемой книге, и это принципиальная авторская позиция – выступают не "этнические русские", а более широкий конгломерат различных этнических групп, связанных как общим "старым" прошлым (агента колонизации), так и "новым" – опытом адаптации к положению "постимперских меньшинств" (с. 22–29, 561–562) в постсоветский период. Однако, если обратиться к будущему, этот подход, вызванный необходимостью преодоления этноцентричного взгляда на "соотечественников" и акцентирующий внимание на том, что объединяет разных "детей империи", возможно, сейчас должен быть дополнен и анализом дающих о себе знать центробежных тенденций ⁶.

Представленный выше корпус сюжетов служит лишь ориентиром для размышления. Постановка новых проблем и перенос акцентов поэтому будут только приветствоваться, равно как и анализ тех затронутых в книге тем, в трактовке которых автор идет против российского мейнстрима: гетерогенность и многослойность "русской" идентичности; критика концепции "русской диаспоры"; автохтонная модель интеграции русскоязычных и др.

© **Е.В. Абдуллаев**

ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Осознавая опасность с первых же строк сбиться на сухую рецензентскую ноту, тем не менее, начну именно с обсуждаемой книги – не только потому, что ее выход послужил поводом для дискуссии, но и в силу того, что она стала определенным событием в изучении Средней Азии ⁷.

Во-первых, исследование Н.П. Космарской уже внешними признаками выгодно выделяется на фоне работ, вышедших по данной проблематике за последние 10–15 лет – солидный 600-страничный объем; безукоризненный научный аппарат; впечатляющая по своему объему и охвату библиография, в которой отражены почти все публикации по данной тематике (остается только пожалеть, что в конце книги отсутствует общий список цитированных работ).

Во-вторых, хочу отметить продемонстрированное автором знание современной Средней Азии и ее реалий, основанное на большом эмпирическом материале, собранном и обобщенном в ходе длительных поездок по региону, в первую очередь на